

Текст · 19 июня 2022, 09:57

Джошуа Яффа,

«Артиллерийский пинг-понг». Репортаж New Yorker о войне на истощение в Донбассе

Характер войны в Украине с весны сильно поменялся. В феврале и марте российская армия наступала сразу по трем фронтам, но несогласованно и без особой военной логики. Украинцы прибегли к тактике точечных вылазок и уничтожали технику и войска противника из гранатометов, противотанковых ракетных комплексов и с беспилотников. В соцсетях широко [расходились видео](#) с точными попаданиями, после которых танки исчезали в клубах огня и дыма. С тех пор российская армия успела перегруппироваться и сконцентрироваться на наступлении в Донбассе, полагаясь на свое преимущество в огневой мощи.

По словам Майкла Кофмана, специалиста по России из Центра военно-морского анализа *CNA*, «российская армия добивается ограниченных, но накапливающихся успехов, и положение Украины в Донбассе сейчас более тяжелое, чем казалось раньше». За те несколько дней, что я недавно провел в Донбассе, сразу несколько украинских военных рассказали, что теперь редко видят врага. Бои ведутся с расстояния в полтора десятка километров и даже больше. Как выразился один солдат, война стала похожа на игру в «артиллерийский пинг-понг».

В Бахмуте, небольшом городе в нескольких километрах от линии фронта, я встречал бойцов

киевского отряда теробороны, которых послали сюда, на восток, несколько недель назад. Они выглядели потрепанными, но духа не теряли. Когда в мае российская армия взяла Попасную, Бахмут оказался в радиусе действия российской артиллерии. При этом он расположен на дороге, по которой идет снабжение Северодонецка — основной цели российских войск, где идут ожесточенные уличные бои. Один из солдат перешел на английский, чтобы описать обстановку: «*Let me put it like this: very fucking awful*». [1] А потом продолжил: «Мы хотим стрелять по противнику, но мы его не видим. Пехотинцу на артиллерийской войне делать нечего, кроме как окапываться и убегать».

На выезде из Бахмута я остановился на блокпосту, чтобы поздороваться с Владимиром Ельцом. Ему 50 лет, он доброволец, у него седая борода и глубокий баритон. До войны Елец был правозащитником. Мы познакомились еще 23 февраля, накануне российского вторжения, в его родном Торецке — от Бахмута это километров двадцать. Когда началась война, он вступил в тероборону и попал сюда. Вместе с другими бойцами он занимался рытьем окопов на случай российского прорыва.

«Я и сейчас правозащитник, для меня вообще ничего не поменялось, — говорит Елец. — Просто теперь права приходится защищать с оружием в руках. Ну а что поделать, если словами не получается». Мы пошли на холм, откуда хорошо просматривались окрестности, и тут над нами пролетел украинский боевой беспилотник. «У нас тут прям как обзорное, — продолжает Елец. — Мы так специально встали,

чтобы на все это смотрели и видели». Тут и там над холмами поднимались столбы дыма — под Бахмутом и Лиманом, еще одним городом неподалеку, шли тяжелые бои. «Попасной, блин, сильно достается», — говорит Елец. Он рассказывает, как стоял на этом самом месте ночами и смотрел на «огненные дожди»: обстрелы из «Градов», ракетами и артиллерийскими снарядами.

Ситуация в городе Бахмут Донецкой области. Фото: ЕРА

На следующий день я поехал в другой донбасский город, название которого командование ВСУ просило не разглашать по соображениям безопасности. Там я встретился с бригадным генералом Александром Тарнавским, командующим украинской группой войск на восточном фронте. Тарнавский так объясняет изменения тактики противника: «Если раньше они шли колоннами, то сейчас они начали воевать». Российские войска поделены на небольшие группы, при помощи беспилотников они находят украинские позиции и наносят по ним артиллерийские и воздушные удары. Когда

определенный участок или населенный пункт ровняют с землей, там пытаются закрепиться сухопутные силы, которые, по словам Тарнавского, состоят из российских солдат, наемников группы «Вагнера» и мобилизованных в сепаратистских республиках ЛНР и ДНР.

В некоторых районах Донбасса российское командование каждый день посылает на фронт свежие войска. «Выполнил он задачу метра на два — ушел, следующий пришел и продолжает. И в первую очередь это свежие силы», — говорит Тарнавский. Там, где идут самые тяжелые бои, перевес в живой силе у России, по оценкам бригадного генерала, пять к одному, а перевес в артиллерии — примерно семь к одному по числу орудий и боеприпасов. Российские войска ослабляют украинские позиции при помощи постоянного огня из тяжелой артиллерии, ракетных и авиационных ударов. Украинцы несут тяжелые потери, и уже после этого начинается сухопутное наступление.

Мне не раз говорили о том, насколько масштабно российская сторона теперь использует тяжелые вооружения. Взвод украинской разведки из десяти человек был обнаружен и накрыт тремя тактическими ракетами «Точка-У», каждой из которых хватило бы, чтобы уничтожить целую бригаду или командный пункт. Тарнавский рассказал, что по отдельным украинским орудиям наносили удары «Искандерами», каждый залп которых стоит примерно 5 млн долларов. «Стрелять по орудиям ракетами — это очень дорогое удовольствие, — говорит бригадный генерал. — Не

знаю, насколько нужно быть богатыми или отчаянными».

Потери украинской стороны в последние недели огромны. Президент Владимир Зеленский говорил, что каждый день гибнут сто украинских солдат, а еще пятьсот получают ранения. На донбасском шоссе я проезжал мимо целой колонны грузовиков, на которых было написано «Груз-200». И тем не менее украинской армии хватает солдат: благодаря мобилизации и постоянному притоку добровольцев численность ВСУ с февраля удвоилась. А вот чего, по словам Тарнавского, не хватает, так это опыта и навыков. «Очень много кадровых военных погибло, а взамен приходят доктор, слесарь. У нас на сегодня есть личный состав, а вот стержень... — говорит Тарнавский, имея в виду офицеров с боевым опытом, которые могут вести за собой и мотивировать новобранцев. — Он или уже убит, или он на лечении».

Пока я был в Донбассе, моя подруга, известная киевская журналистка Анастасия Станко, рассказала, что неподалеку, в Бахмутском районе, в бою погиб ее старый друг Виталий Дерех. Ему было 34 года, он бывший журналист, участник [скаутской организации «Пласт»](#), в феврале 2014 года помогал раненым на Майдане, а потом воевал с пророссийскими формированиями в Донбассе. Вернувшись к мирной жизни, он работал в поисково-спасательном отряде. Сразу после начала российского вторжения он опять пошел в армию и стал командиром противотанкового расчета.

Другой солдат из этого расчета, позывной Грек, рассказал мне, что их первые бои были на окраинах Киева: там они рассредотачивались небольшими разведотрядами, чтобы выявлять российские колонны бронетехники. Однажды они подобрали сбитый беспилотник противника и передали военным инженерам, чтобы те его изучили. В начале апреля их отправили в Донбасс — и сразу стало понятно, что на новом фронте все будет по-другому. «Обстрелы вообще не прекращаются, они дни напролет палят. Это очень изматывает, просто сжирает изнутри, — говорит Грек. — Такое ощущение, что они пытаются раздолбать на атомы каждого украинского солдата и каждый сантиметр украинской земли на Донбассе».

По словам Грека, боевой дух в его отряде остается высоким, несмотря на то, что люди гибнут постоянно. В одном бою, под Лиманом, их атаковал российский бронетранспортер — бил из крупнокалиберной пушки. Двое солдат погибли и еще семеро были ранены, и только потом Дереху удалось подбить БТР противотанковой ракетой. Лиман в итоге в конце мая пал. «Огонь был такой плотный, что мы ничего не могли сделать, не то что продвинуться на позиции, но даже отступить нормально, — рассказывает еще один сослуживец Дереха, с позывным Мак. — Любое движение — и тебя могут убить».

Несколько дней спустя Дерех заметил под Светлодарском колонну из трех российских грузовиков с военными. Он подбил их и замедлил наступление. После этого, по словам Грека, «они

просто сошли с ума». Российский самолет четыре раза вылетал бомбить его позицию, а артиллерийские обстрелы шли без остановки. В его блиндаж попала управляемая ракета, скорее всего, выпущенная с истребителя. Дерех погиб моментально. «Можно быть храбрым и опытным, знать, что надо делать в любой ситуации, — говорит Грек. — Но многое решает удача». По оценкам Грека, их подразделение потеряло около 40% личного состава убитыми и ранеными.

В Донбассе я объездил несколько госпиталей и общался с ранеными солдатами. В целом их боевой дух показался мне высоким, но практически все говорили о беспомощности, которую чувствуют из-за беспощадных артобстрелов. С десантником Владиславом, раненым в лесу под Северодонецком, я ехал на скорой, которая эвакуировала его в госпиталь. Он и еще семеро сослуживцев вступили в бой с двумя российскими взводами и убили не меньше дюжины солдат противника. Но такие близкие бои скорее исключение, говорит Владислав. Гораздо чаще российские войска отступают после первого же соприкосновения, чтобы расположившаяся за ними артиллерия могла обстреливать украинцев издалека.

Когда начался российский обстрел, было одиннадцать вечера. Владислав лежал в своем окопе. Вокруг стали ложиться 152-миллиметровые снаряды — такие используют против бронетехники и больших скоплений пехоты. По словам Владислава, чувство было такое, как будто ты под облаком плавящегося металла. «Сначала слышишь громкий свист и

чувствуешь, как что-то проносится мимо. Потом взрыв и ударная волна. А дальше уже осколки, которые летают как мухи: птш-птш-птш, — рассказывает он. — Хочешь просто спрятаться, не дышать, зарыться поглубже в землю». Земля всколыхнулась, во все стороны полетели ветки, срезанные осколками. На окоп Владислава упало дерево. От взрыва он потерял сознание. Когда пришел в себя, кружилась голова и тошнило. Он попробовал съесть свой канадский сухпак, но стало только хуже. Два дня спустя его эвакуировали в госпиталь и стали лечить контузию.

Владислав очень хочет и дальше воевать, но не так. «Когда в тебя стреляет человек, понятно, как с ним бороться, куда направить адреналин, — говорит он. — Но когда в тебя летит кусок железа, ты не знаешь, где твой враг и как выжить. А я ведь стрелок, я не могу от такого защититься».

Исход битвы за Донбасс — а вместе с ней по большому счету и всего российского вторжения — во многом зависит от времени. Успеет Россия выкосить украинскую армию и, метр за метром, захватить Донбасс раньше, чем Украина получит достаточное количество западных артиллерийских систем и боеприпасов? США уже отправили украинцам больше сотни гаубиц *M777*, а 31 мая администрация Джо Байдена заявила, что поставит мобильные реактивные системы залпового огня *HIMARS*, радиус действия которых превышает 70 километров. Франция поставила самоходные артиллерийские установки *CAESAR*, Великобритания обещала американские пусковые установки *M270* из своих резервов. Но даже с учетом всех этих поставок

Украина все равно проигрывает России по огневой мощи.

Однажды в Донбассе я побывал на позициях батареи 55-й артиллерийской бригады, которая к тому моменту уже три недели работала с гаубицами *M777*. Двое солдат прошли обучение на американском полигоне в Германии и потом помогали освоиться с новой техникой остальным. Темно-зеленая пушка стояла на опушке леса, огромный пятиметровый ствол был направлен на линию горизонта. Такие гаубицы могут поражать цели за 40 километров и по точности существенно превосходят советскую артиллерию, которая была у украинцев раньше. «На старой системе нам приходилось выстреливать снарядов десять, — говорит сержант по имени Олег, командир подразделения. — На нынешней ситуации мы один сделали пристрелочный и второй — точно в цель».

Олег вспоминает недавний бой у Марьинки, небольшого городка под Донецком. Командующий бригадой передал, что российские силы подтягивают «Грады», чтобы нанести удар по его позициям. Старые артиллерийские системы вряд ли позволили бы украинцам добить до «Градов». «Мы стреляем — с третьего выстрела попадаем», — рассказывает Олег. Командующий был очень благодарен батарее. «Теперь они знают, что к ним может прилететь, — продолжает Олег. — Враг уже перестал чувствовать, что он доминирует, что он главный». Я спросил Олега и других солдат, что еще им нужно, чтобы отбросить российские войска. Они ответили: больше

тяжелой артиллерии и американских управляемых реактивных снарядов *Excalibur* с *GPS*-наведением.

В Краматорске, в самом сердце Донбасса, я общался с мэром Александром Гончаренко. С конца февраля в городе идут обстрелы жилых домов, пострадала как минимум одна школа. 8 апреля кассетный боеприпас сработал у железнодорожного вокзала, где, как сообщалось, несколько тысяч беженцев ждали эвакуационных поездов. Как минимум 57 человек погибли. По словам мэра, он приехал на вокзал через семь минут после удара. Земля была усеяна разорванными телами: руки, ноги, ребенок без головы. «Никогда в жизни не видел ничего подобного, — говорит Гончаренко. — И, честно говоря, предпочел бы не увидеть». Пока мы разговаривали, над пустынной центральной площадью Краматорска раздались звуки сирены воздушной тревоги. Ни мэр, ни я не двинулись с места. «Мы уже привыкли, — сказал он. — Если рассчитываешь хоть что-то сделать, нельзя каждый раз бежать в бункер».

Примерно в то время, когда я приехал в Краматорск, российская ракета попала в вышку ЛЭП, и город остался без света. Вечером я видел, как семьи готовят ужин на кострах во дворе дома, где я остановился. Пару дней спустя украинские власти заявили, что всего в десяти километрах, в Славянске, был нанесен удар по жилому району. Три человека погибли.

По данным Гончаренко, население Краматорска сократилось больше чем вдвое, до пятидесяти с небольшим тысяч человек. Он понимает, чем

российская кампания в Донбассе может угрожать его городу. «У них есть цель — захватить определенную территорию. Допустим, у них даже получится, но какой ценой? — говорит мэр. — Им наплевать, что именно они захватят и что будет под оккупацией. Невозможно будет восстановить то, что они разрушают. У них просто останется пустыня, утыканная руинами».

У Гончаренко перед этим разговором была встреча с местным военным руководством, обсуждалось положение на фронте. На одних позициях удавалось держаться, на других были проблемы. С приходом теплой весны поля высохли: теперь танки и другая тяжелая техника могли по ним проехать. Украинская армия вырыла огромную сеть окопов и укреплений, чтобы замедлить наступление на Краматорск.

Я спросил у Гончаренко, сколько времени может потребоваться российским войскам, чтобы дойти до города. «Чудес ждать не надо. Чем дольше это будет затягиваться, тем больше территорий захватит Россия, — голос у него был одновременно бодрый и мрачный. — Вот вам мое профессиональное мнение как мэра: если через две-три недели^[2] у нас не будет тяжелого вооружения, нам пиздец».

Автор: Джошуа Яффа

Оригинал: “[The Fight to Survive Russia’s Onslaught in Eastern Ukraine](#)”, June 7, 2022

Перевод: Д. Г.

-
1. «Так скажу: просто гребаный ужас».
 2. Материал вышел в оригинале 7 июня.